

Б.Ф.Мартынов

Дилемма «многополярного мира» и Латинская Америка

В статье рассматриваются доктрина многополярности с точки зрения цивилизационного развития глобальных процессов современности и перспективы сотрудничества двух формирующихся полюсов такого развития — российского и латиноамериканского. Делается вывод о наличии общих интересов в сфере обеспечения международного права и коллективного решения наиболее актуальных глобальных проблем современности.

Ключевые слова: мировой порядок, многополярность, международное право, российско-латиноамериканские отношения, глобальные проблемы современности.

Идея создания многополярного мира и поддержания отношений в глобальной системе на основе реальной многосторонности начала становится стратегическим направлением внешней политики России примерно с середины 90-х годов*. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 г. было зафиксировано положение о том, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов». «Гарантия эффективности и надежности такого мироустройства, — говорилось далее, — взаимный учет интересов. Мировой порядок XXI в. должен основываться на механизмах коллективного решения ключевых проблем, на *приоритете права* (курсив автора. — Б.М.) и широ-

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, заместитель директора ИЛА РАН.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 09.03-00803а/Р «Исторические, социально-экономические и цивилизационные особенности восприятия идеи многополярного мира в странах Латинской Америки и их влияние на формирование образа Российской Федерации в регионе».

* Мы склонны согласиться с мнением А.Д.Богатурова о том, что однополярный мир существовал около десяти лет — с подписания в июне 1992 г. в Вашингтоне Хартии российско-американского партнерства и дружбы до начала войны в Ираке в 2003 г. Это совпадает с выводом такого документа, как «Обзор внешней политики Российской Федерации» от 2007 г. о том, что «миф об однополярном мире окончательно рухнул в Ираке» (<http://www.mid.ru/brp4.nsf/sps/690A2BAF968B1FA4>). Первыми практическими шагами России в сторону установления многополярности можно считать латиноамериканское турне тогдашнего министра иностранных дел РФ Е.М.Примакова в 1997 г., в ходе которого им были подписаны документы о «стратегическом партнерстве» с рядом ведущих государств этого региона.

кой демократизации международных отношений»¹. Считая «нарождающуюся многополярность» одной из «фундаментальных тенденций современного развития», Концепция внешней политики Российской Федерации в редакции 2008 г. констатировала «объективное повышение роли многосторонней дипломатии, международных институтов и механизмов в мировой политике и экономике, вызванное усилением взаимозависимости государств, необходимостью повышения управляемости мировым развитием». Концепция также подтверждала стремление России «продолжать добиваться укрепления многосторонних начал в мировых делах, формирования такой архитектуры международных отношений, которая основывалась бы на признании международным сообществом принципов неделимости безопасности в современном мире и отражала бы его многоликость». При этом в качестве стратегического направления внешней политики вновь намечалось установление «справедливого и демократического миропорядка, основанного на коллективных началах в решении международных проблем и на верховенстве международного права»².

Итак, определением настоящего исторического момента можно считать «нарождающуюся многополярность»? Наверное, если не выдавать желаемое за уже свершившийся факт. Но что это такое — «многополярность», и почему она заведомо лучше того, что уже было: биполярности и однополярности? Согласимся, что для рядового обывателя «много» — это всегда хорошо. Рискнем предположить также, что и большинство профессиональных политиков, часто употребляющих этот термин, предпочитают оставаться в плену массовых стереотипов. Поставленная задача активного участия России в построении многополярного мира требует, однако, более углубленного анализа данной концепции, которая, как, наверное, и любая другая, имеет свой баланс позитива и негатива. К тому же, с учетом признания нами «культурно-цивилизационного многообразия современного мира»³, такой анализ необходим для выяснения отношения к этой концепции основных современных цивилизаций.

Комплексная научная проработка с различных точек зрения концепции многополярности до сих пор, однако, еще не ставилась в практическую плоскость. При этом, как было справедливо отмечено, «отстаивание концепции полицентричного (многополярного) мира без уяснения особенностей такой системы, ее преимуществ и изъянов как для мира в целом, так и для отдельных крупных держав, без достижения консенсуса между ведущими мировыми державами относительно того, как будет осуществляться коллективное управление, без признания всеми участниками необходимости согласованного взаимодействия и разумной конкуренции не позволит достичь успеха»⁴. Соответственно, наша задача — попробовать разобраться в генезисе и современном содержании этой концепции, а затем постараться рассмотреть, как она воспринимается в латиноамериканской цивилизационной среде. Сложность задачи обуславливается тем, что при часто констатируемой общности взглядов на необходимость установления многополярной системы международных отношений, существующих у России и ведущих латиноамериканских стран, такая общность отнюдь не исклю-

чает появления внутренних противоречий и нюансов, связанных со спецификой цивилизационного, исторического и социально-политического развития России, с одной стороны, и государств этого региона — с другой.

СТАРАЯ И НОВАЯ МНОГОПОЛЯРНОСТЬ

Идея многополярного мира сама по себе не нова. Фактически многополярность сложилась еще задолго до Первой мировой войны. Десятилетие, которое непосредственно предшествовало войне, определялось весьма хрупким «балансом сил» пяти великих европейских держав — Англии, Германии, России, Австро-Венгрии и Италии. «Для многополярности, — отмечает российский политолог А.Д.Богатуров, — характерна примерная сопоставимость совокупных возможностей одновременно нескольких государств мира, ни одно из которых не обладает явно выраженным превосходством над остальными. Приблизительно такая структура международных отношений была в Европе XIX в., когда европейские великие державы ревниво следили друг за другом, не позволяя ни одной из них усилиться до такой степени, чтобы коалиция всех остальных не обеспечивала им заведомого превосходства над пытающимся «уйти в отрыв» соперником»⁵.

Несмотря на «почти научный», по мнению известного американского политолога Дж.Кеннана, характер этого баланса сил, обязанного своим происхождением Бисмарку,⁶ достаточно было одной искры — выстрела в Сараево, чтобы долго копившиеся внутренние противоречия между участниками системы вырвались наружу. Неспособность многополярности начала XX в. предотвратить скатывание мира к кошмару всеобщей войны является сегодня чуть ли не главным аргументом, прежде всего американских (З.Бжезинский, Ч.Краутхаммер, Р.Кохейн и др.), ученых, которые видят в «благожелательном гегемонизме» одного, самого сильного участника системы, либо в биполярном «разделении ответственности» за мир двух самых сильных держав (К.Уолтц, Дж.Миршеймер) залог обеспечения глобальной безопасности. «Многополюсный мир был очень стабильным, — писал в 1993 г. один из патриархов американской политологии К.Уолтц, — но одновременно, к несчастью, и слишком предрасположенным к войнам»⁷.

В аргументации всех этих авторов присутствует, однако, один недостаток. Они почему-то «не спешат» детально проанализировать отличия той многополярности от нарождающейся нынешней, ограничиваясь простым и эффективным, но довольно поверхностным сравнением двух систем. Тем более, что журналистские разговоры о «бисмаркизирующемся мире» после краха биполярности стали весьма популярны как на Западе, так и на Востоке.

«Система Бисмарка», будем называть ее так, обладала рядом таких специфических черт, которые в корне отличали ее от нынешней нарождающейся многополярности. Во-первых, она была закрытой и элитарной, поскольку ограничивалась несколькими развитыми государствами Европы, США и Японией. Во-вторых, имела место в ситуации, когда война, согласно действовавшему тогда международному праву, все еще признавалась легитимным средством решения международных конфликтов. К тому же, та система существовала в отсутствии

мощного фактора сдерживания, каким после Второй мировой войны стало ядерное оружие. И если быть честными до конца, оставив стенания о «варварском характере ядерного оружия», то следует, наконец, признать неоспоримым, что именно оно во многом помогло «холодной войне» не перерасти в «горячую». Именно ядерное оружие позволило человечеству выжить, несмотря на обилие кризисов (два Берлинских, Корейский, Суэцкий, Карибский и пр.), которые многократно превосходили Сараевский по своему конфликтному потенциалу.

Другим признаком, сближающим, по мнению некоторых исследователей, «систему Бисмарка» с нашей эпохой, являются глобализационные процессы, которые разворачиваются на фоне многополярности. На наш взгляд, сравнивать начало нынешней глобализации с тем же процессом конца XIX — начала XX вв. можно и нужно. Тогда мир впервые «уменьшился в размерах», а время ускорило благодаря налаживанию паровых, железнодорожных и телеграфных сообщений, увеличению объемов международной торговли, миграционных потоков и т.д. По словам известного британского экономиста Дж.М.Кейнса, «любой джентльмен до 1914 г. мог свободно, дешево и комфортно путешествовать по миру без каких бы то ни было особых формальностей, пользоваться своей валютой в любой стране, независимо от господствующей там религии, языка, культуры и традиций, и что самое важное — считать такое положение вещей стабильным и нормальным, подлежащим изменению только в связи с грядущими улучшениями»⁸.

Нынешний этап глобализации (и с этим согласно подавляющее большинство пишущих о нем) отличается особыми качествами. Источником ускорения процессов, которые способствовали все большей «проницаемости» мира, стала информационная и научно-техническая революция конца XX столетия. Она изменила нашу планету, сократив пространственно-временные расстояния и максимально ускорив контакты между людьми на всех существующих уровнях социального и, что немаловажно, *цивилизационного* общения.

И, наконец, наиболее примечательное. В «систему Бисмарка» входили разные страны, с разными государственными системами и порой полярно различившимися *государственными* интересами. Однако все они (за вычетом Японии) принадлежали к одной и той же *западной христианской цивилизации* и, конкурируя и враждуя друг с другом, выступали, как правило, единым фронтом в отношениях с неоформившимися, недостаточно оформившимися или откровенно слабыми в государственно-правовом, экономическом и военно-политическом плане «не-западными» цивилизациями — Китаем, Индией, странами Африки и Латинской Америки. Сегодня, когда мы говорим о многополярном мире, то подразумеваем под этим, прежде всего, нарождающееся *межцивилизационное общение* не столько отдельных стран, сколько целых регионов Земли и, если брать еще шире, различных *рас, религий, культур и моделей социально-экономического развития*. Такая парадигма в корне отличается от многополярности начала XX в. (по Богатурову — «структура международных отношений, при которой существует несколько ведущих держав»). По сравнению с многополярной системой начала XX в. она несет в себе как дополнительные возможности сотрудничества, так и новые, во

многим еще мало знакомые нам, *нагрузки и риски*, поскольку под понятие «межцивилизационное общение» совершенно естественным образом, на наш взгляд, подпадают также кризисы и конфликты «нового поколения». «Глобальная конкуренция, — отмечалось в Концепции внешней политики РФ за 2008 г., — впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение, что предполагает «конкуренцию между различными ценностными ориентирами и моделями развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики»⁹. Что же касается этих последних, то и здесь, добавим от себя, вполне возможны ценностные, цивилизационно-культурные и другие «нюансы», о чем красноречиво свидетельствовала международная практика последних двадцати лет. В частности, глобальный экономический кризис ясно продемонстрировал утопичность разговоров об «универсальных принципах рыночной экономики» именно в тех странах, которые пытались возвести эти принципы в ранг абсолюта для всех и каждого на нашей планете.

Попробуем теперь четче определить основные отличия понятия «нарождающаяся многополярность» сегодняшних дней от «классической многополярности» конца XIX — начала XX вв., чтобы продолжить изучение его «плюсов» и «минусов» с точки зрения реальной политики. Во-первых, новый многополярный мир XXI в. зарождается в условиях сохранения и дальнейшего совершенствования ядерного оружия. В годы «холодной войны» оно существенным образом скорректировало известную формулу Клаузевица о войне как «продолжении политики иными средствами». Тем не менее, угроза распространения ядерного оружия как «вглубь», так и «вширь», — на новые страны и регионы земли, — которая весьма активно заявила о себе в начале нового столетия, создает возможность понижения порога его применения и скатывания нашей планеты к ядерному Армагеддону.

Во-вторых, «многополярность» в наши дни начинает рассматриваться скорее как функция межцивилизационного взаимодействия, чем как результат взаимодействия нескольких «великих держав». И в этом смысле понятие «нарождающаяся», на наш взгляд, как нельзя более соответствует нынешнему историческому моменту становления цивилизаций в качестве самостоятельных и в перспективе, возможно, основных глобальных акторов XXI в. Наиболее ярким подтверждением этой тенденции является растущая регионализация современного мира. Сегодня идет активный процесс становления «Большого Запада», «Большого Китая», «Большой Индии» и «Большой Латинской Америки». Наверное, после того, как Россия, наконец, продемонстрировала решимость защищать свои интересы на постсоветском пространстве, настал черед говорить и о начале становления «Большой России»...

Интересной в этом плане была теория «плюралистической однополярности», выдвинутая Богатуровым еще в начале 90-х годов. В ней он говорил об «изменении природы», «дозированной плюрализации» однополярного лидерства США в мире, рассматривая эту страну уже не как единственного лидера, «а в плотном окружении стран «семерки», т.е., по сути

дела, как лидера единой цивилизации Запада^{10*}. Это дало российскому автору основания подумать о том, что однополярность «смягченного» (цивилизационного? — *Б.М.*) типа будет менее жестко воздействовать на внешний мир, нежели гегемония Соединенных Штатов. Однако после событий 11 сентября 2001 г. и всего того, что за этим последовало, разговоры о «межцивилизационном взаимодействии» народов Земли приобрели характер мрачных пророчеств. Казалось, начали сбываться предсказания С.Хантингтона о «войне цивилизаций». При этом для наиболее искушенных максимально обнажилась связь между глобализацией как стиранием информационно-культурных граней между различными человеческими сообществами и протестом «традиционных» социумов, в частности мусульман, южноамериканских индейцев и т.д., против навязываемых им чуждых поведенческих стереотипов**.

Закономерен вопрос: в условиях отсутствия гарантий того, что нарождающаяся новая многополярность XXI в. не станет хуже всех тех систем, которые уже пережило человечество в своей новейшей истории, — «классическая» многополярность, биполярность, «недоразвившаяся» (или «плюралистическая»?) однополярность, — не связываем ли мы с ней слишком много надежд? Не означает ли это, что идея многополярного мира вообще утопична, поскольку наивно рассчитывать на стирание культурно-религиозных граней, которые отделяют одну цивилизацию от другой? Прежде чем ответить на этот вопрос, следовало бы более пристально сравнить эти системы.

МОНО-, БИ- И МУЛЬТИПОЛЯРНОСТЬ

В первом десятилетии нового столетия в мире можно было констатировать вспышку ностальгии по канувшей в Лету эпохе биполярности, получившей с «легкой руки» американского историка Дж.Л.Гэддиса наименование «длинный мир» (*The Long Peace*). Действительно, на фоне односторонних действий США, совершавшихся в обход ООН, роста недоверия между Востоком и Западом, угрозы распространения ядерного оружия, локальных войн, терроризма и т.д. многим вспомнилась «предсказуемость» мировой политики в эпоху «холодной войны». Вспомнилось и присутствие, наряду с соперничеством двух сверхдержав, важных элементов сотрудничества между ними, которые не позволили миру скатиться к третьей мировой. Немедленно стали востребованы произведения тех авторов, кото-

* Напомним, что по мнению современного «классика» цивилизационной теории С.Хантингтона, мировые цивилизации считаются «зрелыми», если в их составе присутствует явно выраженный лидер (западная — США, православная — Россия, латиноамериканская — Бразилия, индуистская — Индия и т.д.).

** Интересно в этом смысле процитировать «Белую книгу по вопросам обороны» Чили за 1998 г. (т.е. за три года до терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне!). В этом документе «бум» исламского фундаментализма прямо увязывался с протестом традиционных обществ против напора западного образа жизни и культуры в условиях глобализации (Book of the National Defence of Chile. Santiago de Chile. 1998, p. 34).

рые в разгар эйфории «конца Истории» предупреждали мир о тяжелых последствиях разрушения установившегося после 1945 г. глобального миропорядка. Тогда их считали «замшелыми консерваторами», сегодня к ним относятся чуть ли не как к провидцам.

Чего стоит, например, мнение проф. Дж. Миршеймера, высказанное им еще в 1990 г. (!) о том, что «в один прекрасный день мы станем сожалеть об утрате порядка, который, благодаря «холодной войне», пришел на смену хаосу в международных отношениях»¹¹. Приведем аргументы, которые, согласно ему, свидетельствуют в пользу биполярности: «Биполярная система имеет более мирный характер по той простой причине, что в состоянии соперничества находятся только две крупные державы. Больше того, при данной системе великие державы, как правило, требуют лояльности от малых стран, что с высокой долей вероятности приводит к образованию жестких союзнических структур. Малые государства, таким образом, защищены не только от нападений противостоящей державы, но и друг от друга. Следовательно, биполярная система имеет только одну диаду (пару), в которой может разразиться война.

Многополярная система обладает гораздо большей подвижностью и содержит множество таких диад. Поэтому при равенстве других факторов вероятность войны статистически выше при многополярной модели, чем при биполярной. Принято считать, что в многополярном мире вооруженные конфликты, в которых участвуют только малые страны или только одно крупное государство, не столь разрушительны, сколь столкновение между двумя крупными державами. Но малые войны всегда могут перерасти в крупные»¹².

Возразить на это можно лишь то, что истина всегда конкретна, а конкретика биполярного противостояния 1945—1991 гг. была, конечно же, богаче той жесткой схемы, в которую ее пытается уложить Дж. Миршеймер. Нельзя, например, не видеть, что ближе к концу «холодной войны» мир стал практически трехполюсным, учитывая глобальную роль Китая, сложное взаимодействие в треугольнике СССР — США — КНР и реальность возникновения полномасштабной войны между Советским Союзом и Китаем. «Внутрисистемные» войны (китайско-вьетнамская, сомалийско-эфиопская, англо-аргентинская) при этом отнюдь не исключались. Кроме того, «лояльность малых стран» была явлением весьма относительным, учитывая, что поведение ГДР, Кубы и Вьетнама в отношении СССР, Франции и Израиля в отношении США в ряде случаев можно было бы с успехом назвать «квазилояльностью».

Подчеркивая заслуги биполярности в обеспечении «долгого мира», Дж. Л. Гэддис, кстати, признавал, что во многом этот мир был результатом случайного стечения обстоятельств. «Холодная война, — написал он в своем обобщающем труде по ее итогам, — могла быть хуже, гораздо хуже... Все могло произойти с точностью до наоборот». «Сегодняшний мир, — заключал он, — стал лучше, потому что эта война была выиграна *правильной* (курсив мой. — Б.М.) стороной»¹³.

Оставим в стороне сомнительный тезис о том, что «холодная война» была «выиграна» Соединенными Штатами. Мы вернемся к его рассмотрению позже.

А в начале 90-х годов прошлого столетия поверхностное мнение о «правильном» исходе биполярного противостояния заставило не только многих политических аналитиков, но и, наверное, большинство людей на нашей планете поверить в возможность «конца Истории» и даже чуть ли не создания всемирного правительства, которое установит на земле долгожданный порядок, исключит войны, конфликты и решит все глобальные проблемы.

Этим благостным стремлением тут же воспользовалась та часть американских правящих элит, которая предложила человечеству идею однополярного мира, увидев в «благожелательном гегемонизме» Соединенных Штатов «наименьшее зло» по сравнению с гегемонией «клуба избранных» или с биполярным балансом сил. В кампании по теоретическому продвижению этой идеи оказались задействованы довольно мощные силы, представлявшие как демократическую, так и республиканскую партии США (Зб.Бжезинский, Ч.Краутхаммер, Р.Кейган, У.Кристал и др). Взгляды этих ученых весьма подробно рассматривались в российской и зарубежной литературе¹⁴, и останавливаться на них вновь не имеет смысла. Пожалуй, лучшей иллюстрацией этих воззрений могли бы стать слова бывшего госсекретаря в демократической администрации Б.Клинтона М.Олбрайт, которая обосновывала необходимость обеспечения глобального лидерства США тем, что американцы просто «лучше других видят суть проблем» («*see further*»)¹⁵.

В наиболее концентрированной форме сознание тотального превосходства США нашло выражение в деятельности администрации Буша — худшей, по опросам общественного мнения, за всю новейшую историю этой страны. Практические результаты политики «благожелательного гегемонизма» оказались плачевны настолько, что даже Р.Кейган, один из признанных столпов неоконсервативного дискурса, вынужден был признать в 2008 г.: «Сегодняшний мир больше напоминает XIX столетие, нежели конец XX в. Те, кто считают это хорошей новостью, должны вспомнить, что XIX столетие не окончилось так благополучно, как эпоха «холодной войны»¹⁶. Пафос произошедшего заключался в том, что, претендуя на роль лидера однополюсного мира, США оказались *неспособны нести бремя такого лидерства*. «Современный мир испытывает острый дефицит авторитета в условиях падения морально-политического и даже военного влияния мировой сверхдержавы, ослабления международных организаций и умаления суверенитета государства как такового», — вынужден был отметить в 2007 г. журнал «Economist»¹⁷. Добавившийся вскоре к этому набору глобальный экономический кризис, во многом возникший по вине Соединенных Штатов, думается, достаточно убедительно продемонстрировал малопригодность для мира идеи однополярности в исполнении Вашингтона.

Нам представляется, что в основе ее провала лежал тот факт, что изначально казавшаяся кое-кому одинаково приемлемой для всех американская модель «свободы-демократии» натолкнулась на непонимание и неприятие не только в странах, принадлежащих к иным, по сравнению с США, *цивилизационным системам* (Ближний Восток, Латинская Америка, Россия), но и под конец даже там, где эта модель, казалось, была изначально «запро-

граммирована» на успех (страны так называемой «старой Европы»). Неолиберальный имплантат столкнулся с «цивилизацией» — и проиграл. Жизнь оказалась намного богаче теоретических воззрений «неотроцкистов»* из американского истеблишмента, которые в конце XX в., как и их идейные вдохновители — троцкисты начала столетия, затеяли обустройство «Рая на Земле» путем постановки фактов в зависимость от своих теорий. Можно сказать, что в наши дни мы переживаем эпоху «перехода от остаточной однополярности к нарождающейся многополярности». При том, что реальной альтернативы этой последней сегодня пока что нет**.

ПОЛЮСА МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ОБЩЕНИЯ

Действительно, если в чем-то мы и наблюдаем преимущество системы многополюсного устройства мира перед однополярной и биполярной, так это в том, что для своего функционирования она должна основываться на *праве*. *Грубая сила не нуждается в праве*, которое призвано ее разумно ограничивать. Это наблюдение как нельзя более очевидно на примере однополюсного мира, существующего «по понятиям» главного игрока глобальной системы (что и было продемонстрировано на практике). Но применимо оно и к биполярности, где каждый из двух «равноответственных» акторов стремится к обеспечению «свободы рук» в своей зоне влияния, невзирая на международное право. Последнее, разумеется, ими используется, но как правило не по прямому назначению, а для дискредитации позиции соперника в глобальной игре с «нулевой суммой». Однако для взаимодействия *нескольких* крупных игроков, обладающих примерно сопоставимой мощью и влиянием, право, казалось бы, необходимо *per se* для того, чтобы обеспечивать между ними разумный *modus vivendi*.

Несмотря на бурное развитие институтов международного права и международно-правовой науки в целом***, многополярность образца XIX столетия после почти ста лет (с окончания Наполеоновских войн) обеспечения *общеевропейского* мира все же окончилась глобальным конфликтом. Однако мы возьмем на себя смелость утверждать, что исчезновение того «пространства вне права и политики» в виде обширных колониальных и полуколониальных территорий за обладание которыми, в основном, и шла

* Американский политолог Ф.Фукуяма обнаружил четкую «генетическую» связь взглядов отцов — основателей неоконсервативной доктрины в США (И.Кристал, Н.Подгорец, Л.Страус, А.Вольстеттер и др.) с учением Л.Д.Троцкого, особенно в тех методах, которыми «молодые» неоконсерваторы впоследствии пытались проводить их в жизнь (F.F u c u y a m a. *After the Neocons. America at the Crossroads*, p. 12—65).

** Данное обстоятельство вынуждены признать сегодня даже самые откровенные противники вчерашней однополярности. В то же время среди сторонников биполярности, похоже, растет популярность идеи нового «дуумвирата» — США и Китая, однако если такой вариант и возможен, то, скорее всего, в весьма отдаленной перспективе.

*** Это относится к появлению первых международных организаций (Всемирный почтовый союз, Красный Крест), кодификации правил дипломатических и консульских сношений и ведения войны, созыву первых глобальных международных конференций (Гаагские конференции мира 1899 и 1907 гг.)

силовая борьба участников «мирового концерта» начала XX в., создало в мире *качественно новую* ситуацию, способную серьезно скорректировать положение дел. Нелишне будет напомнить в связи с этим, что тогда международное право официально существовало как право «цивилизованных народов»*, что уже само по себе обрекало все «нецивилизованные» на то, чтобы быть лишь пассивными объектами мировой политики. Сегодня оно стало достоянием всех, хотя и приобрело цивилизационную нюансировку.

Мы далеки от того, чтобы впасть в «юридический романтизм» и надеяться право, тем более международное, способностью действовать, не согласуясь с конкретными интересами людей, их традициями, религиозными и культурными воззрениями, предпринимательской и трудовой этикой, особенностями исторического развития и т.д., — т.е. всего того, что входит в понятие «цивилизационная идентичность». Наоборот, следует откровенно признать, что сегодня эта ранее игнорируемая реальность начинает все больше определять поведение государств на международной арене.

Одна из наиболее сложных проблем современного мира, на наш взгляд, заключается в том, что формирование на *макроуровне* международного общения принципиально новых цивилизационных полюсов дополняется на *микроуровне* вполне закономерной *поляризацией ценностей*. Это находит подтверждение в разном отношении людей разных цивилизационных архетипов к *глубинному восприятию* одних и тех же проблем, которые затрагивают человечество в целом (терроризм, борьба с бедностью и социальным неравенством, ядерное распространение, экология и т.д.). При этом стоит особо подчеркнуть, что различий в *поверхностном* восприятии самой проблемы как правило не наблюдается. Печальным следствием такого «расклада» является то, что все призывы, раздающиеся на широком международном уровне, в ООН и т.д., «бороться с терроризмом», «препятствовать распространению ОМП», «ликвидировать социально-экономическое неравенство», «улучшать экологическую ситуацию» и пр., обычно повисают в воздухе. Многие инструменты, призванные решать глобальные проблемы, оказываются «беззубыми», так как ради сохранения видимости единства мнений либо в силу своего особого подхода к этим проблемам их составители намеренно не касаются самой их сути. Чего стоит, например, с юридической точки зрения такой документ, как Межамериканская антитеррористическая конвенция 2003 г., где международный терроризм назван «злом», однако в чем причина этого «зла» и кто может быть отнесен к «злодеям», неизвестно. Как, например, можно реально добиваться соблюдения всеми странами Договора о ядерном нераспространении, если США своей силовой политикой одновременно наводят «пороговые» страны на мысль о ядерном оружии как о единственной гарантии от вмешательства Вашингтона в их внутренние дела?

* См., например, Ф.Ф.М а р т е н с. Современное международное право цивилизованных народов (по изданию 1904 г.), т. 1, 2. М., 1996. В учебнике австрийского юриста-международника Ф. фон Листа, например, утверждалось, что правовое общение «нецивилизованных» государств «охраняется только фактическим могуществом государств цивилизованных, основанных на началах христианства и гуманности» (Ф. фон Лист. Международное право в систематическом изложении. Юрьев, 1909, с. 6).

Список несоответствий слов и дел можно продолжать до бесконечности. Однако императивы нового глобального взаимодействия все настоятельнее диктуют необходимость нахождения *межцивилизационных* подходов к глубинному пониманию наиболее актуальных проблем современности с целью выработки общих средств противодействия им. Иначе в условиях расширения пропасти между словом и делом мир ждет катастрофы гораздо более серьезные, чем нынешний глобальный экономический кризис. Для выработки таких подходов требуется сотрудничество уже не столько «великих держав» самих по себе (по образцу многополярности начала XX в.), сколько их контактирование как *полюсов межцивилизационного общения, преисполненных особой ответственности за тот цивилизационный архетип, центром которого они являются.*

Эти полюса сегодня уже в основном сложились или находятся в процессе становления: Россия, США, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР. Они совпадают с теми центрами глобальных цивилизаций — культур, которые были выделены в свое время в трудах Хантингтона. Стоит подчеркнуть, что межцивилизационное общение — это уже реальность современного мира, в котором помимо государств в постоянные многопрофильные и многоуровневые международные контакты различного рода все больше вступают негосударственные структуры, общественные объединения и коллективы и, наконец, отдельные люди — представители своих цивилизационных архетипов. В режиме бесчисленных международных транзакций предпринимательская этика одной стороны постоянно накладывается на предпринимательскую этику другой, что свидетельствует о начале нового этапа международных отношений, когда их сердцевиной становятся не *межгосударственные, а межкультурные* контакты.

Отсутствие ярко выраженного центра в одной из наиболее влиятельных и бурно развивающихся цивилизаций современного мира — исламской усложняет функционирование всей системы, учитывая остроту противоречий между христианской, индуистской и конфуцианской цивилизациями, с одной стороны, и миром ислама — с другой. В то же время в последние годы наблюдается взаимодействие по линии «родственных» цивилизаций, в частности между христианской православной (Россия) и христианской католической цивилизациями. Это наглядно проявилось в своеобразном «открытии» Россией Латинской Америки в 2005—2008 гг., и, несколько в меньшей степени — в традиционно более конструктивных отношениях РФ с католическими странами так называемой «старой Европы» (Франция, Италия, Испания, частично ФРГ) по сравнению с государствами англосаксонского мира. На цивилизационных основах сближения РФ с государствами латиноамериканского региона мы намерены остановиться подробнее.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

От отношения к праву главных действующих лиц многополярной системы напрямую зависит ее функциональность. Однако в условиях межцивилизационного общения следует быть готовым к весьма существенной ценностной нюансировке правовых норм и обычаев. Приоритетной задачей становится минимизация тех различий, которые могут подрывать роль права как *демиурга* мировой поли-

тики. С этой точки зрения принципиально важным становится взаимодействие тех участников глобальной системы, отношение которых к праву можно квалифицировать по крайней мере как *уважительное*. Как уже было отмечено, на концептуальном уровне Россия придерживается идеи верховенства международного права в международной политике. Можно сказать, что после событий августа 2008 г. на Кавказе ее стремление к укреплению и совершенствованию правовых основ международных отношений только усилилось.

Одной из причин, серьезно продвинувших «открытие» нами Латинской Америки в эти годы, помимо соображений «чистой» геополитики стало то, что, как отмечается в многочисленных документах, позиции России и большинства латиноамериканских стран по наиболее актуальным вопросам мировой политики «близки или совпадают». Эта ставшая уже шаблонной фраза вошла в политический обиход не в последнюю очередь именно благодаря тому, что и Россия, и государства латиноамериканского региона рассматривают международное право в качестве естественной опоры многополюсного миропорядка. В основе нашего сближения лежит общее — *правовое* — понимание таких проблем, как выстраивание многополярного мира, укрепление авторитета ООН, создание и поддержание региональных систем безопасности, борьба с международным терроризмом, «старыми» и «новыми» угрозами международному сотрудничеству, выработка недискриминационных условий международной торговли и многое другое. На наш взгляд, отношение латиноамериканцев к международному праву как нельзя лучше отвечает императивам эпохи.

«В качестве примера оправданного применения силы, — писал известный уругвайский юрист-международник Э.Хименес де Аречага, — чаще всего приводят вмешательство по соображениям гуманитарного характера. По нашему мнению, соображения гуманитарного характера не превращают интервенцию в правомерный акт»¹⁸. Эти слова латиноамериканского юриста дали ответ на одну из наиболее сложных проблем мировой политики *за двадцать лет* до того, как она приобрела особый драматизм, оформившись в доктрину так называемой «гуманитарной интервенции». Особого внимания заслуживает интерпретация в Латинской Америке такой проблемы, как международный терроризм. Так еще за два года до 11 сентября 2001 г. в «Белой Книге по вопросам национальной обороны Чили» говорилось о том, что «бум исламского фундаментализма»¹⁹ может стать результатом попыток насильственного привития всему миру стандартов потребления и культуры одной-единственной цивилизации — западной.

Мировая история дает массу примеров крушения великих империй, основанных на праве силы, и конечного торжества тех, кто исповедовал силу права, поскольку именно право в конечном счете обеспечивает *более рациональное распределение усилий государственной власти как внутри страны, так и вне ее*. В этом плане тезис о том, что «право — это оружие слабого», ничем не подтверждается на практике. Когда в 1907 г. на Второй Гаагской конференции мира делегат от Германской империи М. фон Биберштейн заявил о том, что «великая Германия не может руководствоваться правилами, под-

ходящими для Гватемалы», он, конечно, не знал, что его империи осталось просуществовать еще каких-нибудь десять лет, и не мог представить себе всего того ужаса, который она принесет в XX в., пока Гватемала будет спокойно жить в мире со своими соседями.

Особое отношение к праву не позволило латиноамериканским странам одобрить агрессию США и НАТО в Югославии и бомбардировки Косово в 1999 г. (коллективное заявление «Группы Рио»). Комментируя эти события, эквадорский юрист и политолог К.Фуэнтес отмечал, что «конкретный интерес», возведенный США и НАТО в ранг абсолюта, мог получить правовое оформление только в англо-американской системе, но это было бы совершенно недопустимо в иберо-американской, основанной на писаном праве и четко сформулированных, «вечных» принципах²⁰. Большинство государств региона отказалось также признать легитимность вторжения США и их союзников в Ирак. Все это укрепило их авторитет в глазах мировой общественности, в то время как *правовой нигилизм*, упорно демонстрировавшийся Соединенными Штатами в течение всех последних лет после краха биполярной системы, серьезно подорвал международный престиж Вашингтона.

С нашей точки зрения, утверждение о том, что правовая культура латиноамериканских стран стоит *выше* правовой культуры стран развитого Запада, не выглядит столь уж необычно. Сразу оговоримся: речь идет о традиционном уважении латиноамериканцев к *международному праву*. «Исдержки» правоприменительной практики *внутри* латиноамериканских стран (революции и перевороты, нарушения гражданских прав, коррупция и пр.) — следствие *изоморфичности* их государственно-правового развития²¹, — выходят за рамки нашего исследования.

Практика свидетельствует, что, если история Европы — это история войн, то история Латинской Америки — это в первую очередь история правового разрешения внутрирегиональных споров и противоречий и попыток нахождения правовых барьеров против вмешательства извне. Самым крупным вооруженным конфликтом в Латинской Америке в XX в. была боливийско-парагвайская («Чакская» война) 1932—1935 гг., которая с обеих сторон унесла жизни примерно 100 тыс. человек. При всей ее антигуманной сущности, она, однако, не может идти ни в какое сравнение ни с Первой, ни, тем более, со Второй мировыми войнами. Подавляющее большинство «войн», которые велись латиноамериканскими странами между собой в прошлом и позапрошлом веках, с нашей «привычной» точки зрения вообще можно было бы считать не более чем пограничными конфликтами. Если вновь вспомнить формулу Клаузевица, то можно утверждать, что между политикой и войной латиноамериканскими странами традиционно выстраивалось гораздо больше правовых барьеров, чем где-либо еще.

Следует отметить лидерство латиноамериканцев в разработке обширного инструментария средств и методов мирного разрешения международных споров: от переговоров и «добрых услуг» до челночной дипломатии, посредничества и арбитража, их вклад в закрепление общих принципов международного права — равенства, невмешательства и территориальной целостности. Латиноамериканские страны внедрили в международную практику

принцип дипломатического убежища, разработали ряд важных новаций в морском праве и т.д. В науке международного права получили известность имена латиноамериканских юристов Л.-М. Драго, Х. Кальво, А. Де Стефани. Неоспоримы заслуги латиноамериканцев и в сфере международного частного права: стоит вспомнить «Кодекс Бустаманте».

Мало кто обратил внимание на уникальный в своем роде феномен. Бразилия — страна-гигант (пятое место в мире по территории), граничащий со всеми государствами Южной Америки, кроме Чили и Эквадора, не имеет к себе никаких территориальных претензий со стороны соседей, несмотря на то, что в период 1898—1909 гг. она присоединила к себе мирным путем территорию, по площади почти равную Франции! Однако укоренившееся у нас преклонение перед «правом силы», которое заставляет людей помнить имена завоевателей и тиранов, стерло из исторической памяти имена великих миротворцев Латинской Америки. Среди них — министр иностранных дел Бразилии барон де Рио-Бранко (1904—1912 гг.), мирно решивший территориальные проблемы своей страны, его аргентинский коллега Сааведра Ламас, ставший первым латиноамериканским лауреатом Нобелевской премии мира, и многие другие. К сожалению, доктрина общего международного права, соответствующая эпохе «великих держав», но не «великих цивилизаций», во многом еще сохранила подходы, более свойственные для западного мировидения, несмотря на все изменения, происшедшие в мире. Однако следует признать, что отголоски стародавнего деления государств на «цивилизованные» и «нецивилизованные» до сих пор сохраняются в политике.

О своеобразном «культе» международного права в странах Латинской Америки специалистам известно давно. Хочется процитировать двухтомник «Проблемы Латинской Америки и международное право», изданный коллективом академических институтов РАН в 1995 г. «С момента обретения независимости, а, возможно, и ранее, для сознания латиноамериканцев характерно проявление заметного беспокойства по поводу обретения собственной индивидуальности и ее познания. В искусстве это именуется проявлением так называемого «латиноамериканского духа». Это беспокойство проявляется не только в сфере художественного сознания, но и внешнеполитического, включая и международно-правовое»²². Но насколько прочным является уважение латиноамериканцев к международному праву? Не носит ли оно вынужденного характера («право — оружие слабого»)? Не станет ли отмирать по мере того, как отдельные страны этого региона будут набирать международный вес и влияние, а с ними и силу, которая, как известно, «не нуждается в праве»?

КОРНИ И СПЕЦИФИКА ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Немаловажным фактором, сплачивающим людей в некую целостность в иберо-американском политическом пространстве, была и в течение длительного времени остается католическая система ценностей. В ценностной

иерархии этого мира индивидуальный экономический успех, индивидуальные права, а отсюда и государственно-правовые идеи, учреждения, принципы, т.е. все то, что, по М.Веберу, составляет основу протестантской этики, традиционно занимают подчиненное, служебное положение. Специфику латиноамериканского правосознания (в том числе и вполне современного, атеистического и модернистского) можно объяснить генетической укорененностью в нем католической догмы, направленной на взывание «Града Божьего» на Земле и берущей свое начало от учения Блаженного Августина. Отсюда — традиционная вера латиноамериканцев в силу и возможности *государства* (в лице его наиболее авторитетных структур: сначала церкви, потом военных) и не менее традиционная популярность левых (государственнических по своей сути) идей. Позитивное право, в отличие от сугубо индивидуалистической парадигмы англосаксонского протестантизма, носило в рамках этой парадигмы вторичный, производный от Веры и Абсолюта характер, обуславливаясь *естественным правом*. Такое его понимание, максимально приближенное к понятиям *справедливости и морали*, делало его гораздо менее зависимым от конкретного человеческого интереса, менее *подвижным*, но одновременно и более *устойчивым*.

Дж.Кеннан, посетивший в 1950 г. Латинскую Америку, пришел в ужас от социального неравенства, засилья бюрократии, высокого уровня коррупции и других известных социальных болезней стран этого региона. В то же время он писал: «Латинская Америка — это единственный в мире континент, где человек остался человеческим существом, где нет ядерного оружия, и никто не думает о его разработке, где сохранился огромный запас заповедей, познаний и обычаев, выпестованных в христианском мире и направленных на единение человека с Богом и создание цивилизованных условий существования. Этот континент окажется однажды последним хранилищем и депозитарием человеческих христианских ценностей, которые на европейской прародине и в Северной Америке в результате пресыщения, заорганизованности и ослепления страхом и амбициями оказались выброшены на свалку»²³.

Уже в писаниях отцов католической церкви — Блаженного Августина и Фомы Аквинского затрагивались некоторые актуальные для того времени вопросы международного права. Однако основателями этой науки по праву следует считать средневековых испанских юристов Ф. де Витория (1480—1546) и Ф.Суареса (1548—1617). В их работах впервые утверждались принципы равенства и взаимозависимости государств и наций, обосновывались естественные права государства на свободную коммуникацию с другими странами, признавалась правосубъектность коренных народов (американских индейцев). Многие в этих трудах перекликается с мыслями современных латиноамериканских юристов, выступающих противниками такой глобализации, которая «ущемляла бы суверенитет государства и размывала бы его национально-культурную идентичность»²⁴.

Идеи основоположников науки международного права были перенесены на латиноамериканскую почву усилиями борцов за освобождение Ла-

тинской Америки — венесуэльцами Симоном Боливаром и Андресом Бельо. С.Боливар неодобрительно относился к пропаганде североамериканской индивидуалистической философии и государственно-правовых идей. «Народы Латинской Америки, — считал он, — должны руководствоваться не кодексом Вашингтона, а собственным Законом, который отвечал бы условиям их жизни, обычаям и историческим традициям». «Апеллируя к свободе, — отмечал этот горячий поборник латиноамериканского единства, — США несут беды народам Латинской Америки»²⁵. А.Бельо, автор первого в Латинской Америке труда по международному праву («Принципы права народов», 1823 г.), отвергал позитивистское преклонение перед правом силы в западной науке о международном праве и предпочитал ей категорию справедливости. Вмешательство одного государства в дела другого, в том числе и вооруженное, полагал он, должно было являться не правилом, а исключением, оправдываемым лишь «правом на самозащиту», «обстоятельствами исключительного характера» и «явной и неизбежной угрозой государственному суверенитету»²⁶.

Разумеется, далеко не все в развитии науки о международном праве и в правоприменительной практике в Латинской Америке было одинаковым. Интересы олигархических кланов, а затем и либеральной буржуазии, стремившейся во всем копировать правовые модели «Великого северного соседа» были, как правило, далеки от идей социальной справедливости и латиноамериканской общности, которые отстаивались Боливаром и Бельо. Кроме того, культ силы и философия «реальной политики», постепенно захватывавшие умы европейских и североамериканских политических деятелей с середины позапрошлого столетия, не обошли, конечно же, стороной и Латинскую Америку. Там также успели пустить корни идеи геополитики, либерализма и буржуазного индивидуализма. На этой основе получили развитие позитивистские и нормативистские учения, более характерные для англосаксонской и западноевропейской правовых систем. На общей пестрой картине немало отражались различия между самими латиноамериканскими странами, где несколько «особняком» располагалась лузобразильская цивилизация, а также сложная этническая и социально-экономическая составляющие этого региона. Крайне негативно на развитие международно-правовых доктрин латиноамериканских стран влияли доставшиеся им в наследство от колониальных времен территориальные споры и конфликты, взаимное соперничество и борьба за субрегиональное лидерство. Это зачастую приводило к тому, что в отсутствие США, как единого «сплачивающего начала», им не удавалось выработать общей позиции по тем или иным важным международным вопросам. К тому же, пребывая под защитным «зонтиком» «Доктрины Монро» и не имея достаточно развитых связей за пределами Западного полушария, латиноамериканские страны со времени провозглашения независимости и фактически вплоть до начала 70-х годов XX в. не являлись субъектами «большой» мировой политики. Соответственно, их усилия по формированию прочной правовой основы международных отношений далеко не всегда и не во всем оказыва-

лись востребованы. В результате развитие особой латиноамериканской междуна-родно-правовой «школы» в XX столетии носило явно замедленный, «подспудный» и малозаметный на фоне глобальных событий характер.

Ситуация начала радикально меняться в первое десятилетие нового века. «Левый поворот», затронувший большинство государств этого региона и казавшийся вначале лишь какой-то «цепочкой случайностей», обнаружил глубокую укорененность в цивилизационно-культурных, исторических и социально-экономических основах латиноамериканских обществ. Несмотря на различия в «тональности» предпринимаемых в странах «левого поворота» преобразований, сложности и риски, которые неизбежно влекут за собой реформы, нельзя не отметить их объективный, соответствующий императивам времени характер²⁷ — следствие превращения Латинской Америки в новый центр силы в мировой политике. «Левый поворот», рассматриваемый в качестве новой попытки латиноамериканских государств «вернуться к истокам»*, обозначить и утвердить свою национально-культурную, экономическую, политическую и в том числе правовую *идентичность*, стал закономерным отражением *цивилизационного подъема*, который затронул весь континент. Он, как нам кажется, дает основания для положительного ответа на вопросы, поставленные нами в конце предыдущего раздела. Уважение латиноамериканских государств к международному праву носит *цивилизационный, культурно-исторический*, а потому и *неконъюнктурный* характер, мало подверженный внутренним изменениям вследствие перемен извне.

Глобальный экономический кризис, ставший зауспокойным звоном по «магии рынка» и крайностям экономического индивидуализма, а вместе с ним и вся анархизированная система международных отношений — следствие культа силы и эгоизма в политике — заставили нас по-новому взглянуть на роль государства в экономике и политике и, соответственно, на роль права как инструмента по *регуливанию разнонаправленных воль, нахождению и обеспечению общих интересов в посткризисной глобальной системе*.

В этом плане нам представляется, что активизация сотрудничества на латиноамериканском направлении, хотя и стала «во многом неожиданным прорывом в российской внешней политике»²⁸, все же имела под собой, помимо чисто геополитических, достаточно глубокие *морально-правовые и общеполитические основы*. Не в этом ли кроется отмеченный исследователями МГИМО парадокс, который заключался в том, что российская внешняя политика в период 2008 — начале 2009 гг. показала относительно высокую эффективность «как раз там, где имеющиеся ресурсы влияния относительно невелики», в первую очередь, на латиноамериканском направлении и в формате БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай)²⁹? Может быть, следует поставить вопрос шире: наше представление о «ресурсах влияния» несколько устарело и нуждается в до-

* Отражением такой попытки является, на наш взгляд, философия «боливаризма», распространяемая в Венесуэле и уже затронувшая ряд южноамериканских стран. В основе ее — отстаивавшаяся С.Боливаром идея автохтонного развития, не копирующего чуждые модели, и борьба за объединение Латинской Америки.

полнении? Говоря о «мягком влиянии» и международном имидже нашей страны, мы почему-то традиционно апеллируем к экономическим, политическим и, наконец, военным факторам, забывая о том, что эмоционально-психологическая схожесть людей разных наций и культур, их общие представления о справедливости, морали и праве способны дать не менее весомый «имиджевый эффект».

Говоря о цивилизациях — потенциальных союзницах России в деле построения и функционирования многополярной системы, мы, разумеется, должны избегать односторонности и излишней увлеченности «моделями». На практике многие вещи выглядят иначе, чем в теории. При более детальном рассмотрении позиций РФ и ведущих государств латиноамериканского региона прослеживается определенная разница подходов. Политическая культура латиноамериканских стран, продолжающих воспринимать себя в контексте «бедного» (ныне все больше «поднимающегося») Юга, пока что контрастирует с российской, которая традиционно привыкла воспринимать миропорядок через призму взаимодействия треугольника стран «развитого Севера» (США — ЕС — Япония). Не секрет, что в рамках этой конструкции мы активно стремимся «прописать» и Россию. Отсюда проистекают некоторые нюансировки наших и латиноамериканских позиций в вопросах о реформе ООН, о расширении «Большой восьмерки», о пересмотре правил ВТО и т.д. Об этом мы поговорим позднее. Однако очевидно, что в условиях необходимости выработки Россией долгосрочной политической стратегии и заявленного стремления добиваться перестройки глобальной и региональных систем политической и экономической безопасности ей придется пересмотреть некоторые, кажущиеся кому-то «незыблемыми», стереотипы. Конкретно речь пойдет о выборе преференциальных партнеров в глобальном развитии, о необходимости дать, наконец, ответ на традиционно столь трудно решаемый для нашей страны вопрос о том, с кем она: с восходящим Востоком (к которому по многим ценностно-культурным и этическим показателям мы можем отнести и Латинскую Америку) или со столь уважаемым нами, но демонстрирующим все признаки «нисходящей» цивилизации Западом? Говоря о безальтернативности *многовекторной* политики в целях построения многополярного мира и укрепления правовых начал в международных отношениях, мы обязаны проанализировать вопрос о принципиальной возможности столь искомого многими в России более тесного партнерства с протестантской англосаксонской ветвью западной цивилизации*. Тем более, что она также отличается весьма специфическим, «цивилизационным» отношением к праву вообще, и к международному в частности.

* Напомним, что латиноамериканская цивилизация была выделена из состава «западной» лишь относительно недавно (Хантингтон). До этого (Тойнби, Киркпатрик) она рассматривалась вместе с католическими странами Европы лишь как боковая «ветвь» последней. Такое выделение было весьма правомерно, так как соответствовало не только особой специфике латиноамериканских государств, но и их все возрастающему влиянию в мировой политике, экономике и культуре. Оно же свидетельствует, на наш взгляд, о том, что грани междивизиационного взаимодействия в принципе весьма подвижны и гибки.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: КОНЕЧНАЯ ЦЕННОСТЬ ИЛИ ФРАГМЕНТАРНЫЙ «ИНТЕРЕС»?

В сознании «среднестатистического» россиянина страны Запада во главе с США* отождествляются с развитой правовой культурой, которая находит практическое выражение в стабильности их демократических систем и зрелости гражданских обществ. Однако, как уже отмечалось, постулирование автоматической связи между внутренней и внешней правовой культурой различных стран и цивилизаций на нашей планете далеко не во всем соответствует действительности. В подтверждение можно было привести мнение американских юристов-международников, членов американской Ассоциации международного права, констатировавших, что «уважение к международному праву в США сегодня достигло своей самой низкой отметки»³⁰. Но возможен и такой вопрос: а не является ли это отношение следствием политической конъюнктуры, т.е. не носит ли оно временный, преходящий характер? От ответа на него во многом зависят надежды на сотрудничество с Соединенными Штатами в деле построения стабильно функционирующей системы глобального миропорядка.

Основоположником англо-американской науки о международном праве считается известный английский философ Дж.Бентам, который стремился обнаружить в нем не собрание каких-то раз и навсегда установленных принципов и норм, а в первую очередь конкретные интересы участников международного общения. Теория утилитаризма Дж.Бентама, оказавшая огромное влияние на все последующее развитие англо-американского юридического позитивизма, представляла собой прямую противоположность доктрине естественного права, которое рассматривалось им как не более, чем «фикция»³¹. Интересен комментарий по поводу позитивистской доктрины, данный известным советским, а затем российским юристом В.Тумановым еще с марксистских позиций в 1971 г.: «Учение о том, что помимо реального государства и позитивного права существует куда более разумное идеальное государство и право, становится излишним в тот самый момент, когда буржуазное государство и охраняемый им правопорядок объявляются тем конечным пунктом истории, достигнув которого естественно-правовые принципы якобы превращаются в действительность»³². Как же актуально звучали эти слова в эпоху, когда американский вариант рыночной «свободы-демократии» был торжественно объявлен «концом Истории», а благодарному человечеству, казалось бы, ничего больше не оставалось, как всемерно содействовать США в деле продвижения этого варианта на «нецивилизованные» народы!

* Центральное положение США в рамках западной цивилизации трудно поставить под сомнение. Однако, принимая во внимание теорию «мультикультурализма», выдвинутую еще администрацией Б. Клинтона, ряд американских авторов, в том числе и Хантингтон, выражают обеспокоенность по поводу потери ими своей «цивилизационной идентичности». В этом смысле характерно высказывание президента Б.Обамы о том, что США это «не только христианская, но и исламская, иудейская, конфуцианская страна, а также страна атеистов».

Наиболее последовательное практическое выражение позитивистская доктрина нашла в системе англо-американского *прецедентного* права, претендующего на то, чтобы наиболее полно отражать конкретные интересы людей и изменчивые жизненные реалии. При этом *философия права* и его *принципиальные основы* заведомо приносятся в жертву *гибкости*. Материальным выражением естественно-правовой доктрины стало *кодифицированное* право континентальной Европы и стран Латинской Америки (во многом перенявших Гражданский кодекс Наполеона 1804 г.), а также России. Писанные кодексы, в отличие от прецедентов, сообщали праву большую *устойчивость* и, соответственно, предполагали его меньшую подверженность *колебаниям конъюнктуры*. Но то же самое зачастую приводило к отрыву права от реальной жизни и его «вневременному» существованию.

О достоинствах и недостатках двух правовых систем, разумеется, можно спорить долго. Что касается права международного, не знающего, как известно, воли законодателя и не имеющего жестких правоприменительных структур, то попытки перевода его на прецедентную основу*, неоднократно предпринимавшиеся США и Великобританией в «постбиполярный» период, грозят либо превращением его в «право сильного», либо в ситуацию, описанную со времен Т.Гоббса как «война всех против всех». Это вполне объяснимо, если согласиться с мнением последнего о том, что закон в конечном счете зависит не от норм универсальной этики и морали, а от воли человека — конкретного законодателя, а, стало быть, в праве международном — от воли конкретного (самого сильного или считающего себя таковым) государства (государств). «ООН может собираться и дискутировать о чем угодно, а мы будем делать то, что захотим»,³³ — таков, в частности, был лейтмотив отношения Вашингтона к отказу всемирной организации проштамповать силовую акцию в Ираке.

Следует откровенно признать, что политическая конъюнктура, сколь важное значение она бы ни имела, все же не способна одномоментно отменить существующие различия в *цивилизационном и культурном* восприятии и трактовке отдельными государственными лидерами и, может быть даже целыми народами, некоторых базисных принципов, на которых зиждется система международного общения. Одним из таких является принцип *государственного суверенитета*. Его «сакрализация» в международном праве со времен Вестфальского мира 1491 г., несмотря на все войны и конфликты, постигавшие человечество с тех стародавних времен, думается, все же помогла нашей земле остаться обитаемой планетой.

Что же «сакрального» видят в нем представители англо-американской правовой школы? «Современное употребление этого термина продолжает неудачное стремление относиться к государствам как к неким самостоятельным одушевленным образованиям, способным чувствовать, мыслить и действовать, независимо от участия или вмешательства человека», — укорял сторонни-

* Совершенные в обход ООН бомбардировки Югославии авиацией США и их союзников по НАТО в 1999 г. стали рассматриваться некоторыми «правоведами» в США как создание прецедента, оправдывающего возможность применения силы «в особых случаях» и без санкции ООН (N. C h o m s k y. Hegemonía o supervivencia. Barcelona, 2005, p. 35).

ков школы естественного права американский юрист-международник Г. Майэр. Суверенитет, по его мнению, — это не больше, чем «метафора, обозначающая канал для коммуникации»³⁴.

Его слова самым непосредственным образом подтверждают существование различий в цивилизационных подходах к понятию суверенитета, причем, если вспомнить, например, доктрину национальной безопасности Высшей военной школы Бразилии 1961 г., то здесь они предстают перед нами в наиболее «экзальтированном» виде*. Государство — это, разумеется, не живой организм, и, тем более, не Левиафан, требующий принесения ему ежедневной дани в виде жизней, прав и свобод отдельных людей. Но это и не пустая формальность, «метафора», «канал для коммуникации», который, при желании, не спросясь, можно запросто подвергнуть сомнению, переиначить на свой лад, наконец, попросту отменить, опять-таки принося в жертву конкретных людей и их интересы. Проблема нахождения разумного компромисса между двумя точками зрения в том, что, если, например, в странах Латинской Америки после двух с лишним десятилетий правлений военных люди пришли к пониманию важности «вертикальной» составляющей в многопрофильной безопасности государства (права личности и общества)³⁵, то в США**, под влиянием того уникального положения, которое они заняли в мире после краха «мировой системы социализма», *релятивизм в отношении международного права и непризнание альтернативных точек зрения* многократно усилились. Неудивительно, что когда представитель Мексики в Совете Безопасности ООН в ответ на давление США с просьбой проголосовать за резолюцию, разрешающую применение силы против Ирака, сказал, что это «не найдет поддержки у большинства мексиканцев», его заявление было расценено американским делегатом как «смехотворное»³⁶. Это свидетельствует о «системном» различии в подходах к международному праву стран Латинской Америки, с одной стороны, и Соединенных Штатов — с другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Москва. 28 июня 2000 г. — Системная история международных отношений в четырех томах 1918—2003, т. 4. Документы. М., 2004, с. 538—539.

² Концепция внешней политики Российской Федерации 12 июля 2008 г. — <http://kremlin.ru/text/docs/2008/07204108.shtml>

³ Там же.

⁴ Т. Ш а к л е и н а. «Порядок после Грузии», или «Порядок при Обаме»? — Международные процессы, 2008, № 3, с. 7.

* Согласно ДНБ ВВШ Бразилии, авторами которой были генералы Голбери-ду-Коуту-э-Силва, Лира Таварес и Мейра Маттос, государство рассматривалось как живой организм со своими собственными интересами и целями, стоящий неизмеримо выше интересов отдельных людей и их сообществ.

** Отношение самих американцев к институту государственной власти можно назвать «эксклюзивным», опираясь, в частности, на мнение таких авторитетов, как Д. Бурстин («Американцы: национальный опыт» в 3-х томах, М., 1993) и Г. Киссинджер. Согласно последнему, «минималистское» отношение к государству там было связано с тем, что гражданское общество в США исторически оформилось раньше, чем государство («The Diplomacy». New York, 1994). Это позволяет задать вопрос о том, на каком основании американцы считают, что их политическая система универсальна и применима по всему миру?

- ⁵ Очерки теории и прикладного анализа международных отношений. М., 2003, с. 284.
- ⁶ G.Kennan. См.: The Decline of Bismarck's European World Order. Princeton, 1979.
- ⁷ K.Waltz. The Emerging Structure of International Politics. — International Security, vol. 18, 1993, N 2, p. 321.
- ⁸ Приводится по: P.Kennedy. The Parliament of Man. The United Nations and the Quest for World Government. London, 2006, p. 5.
- ⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации 12 июля 2008 г.
- ¹⁰ Очерки теории и прикладного анализа, с. 168, 291.
- ¹¹ Дж.Миршеймер. Почему мы скоро будем тосковать по «холодной войне». — Россия в глобальной политике. М., 2008, № 6, с. 9.
- ¹² Там же, с. 12.
- ¹³ J.L.Gaddis. The Cold War. London, 2007, p. 266.
- ¹⁴ См., например: F.Fucina. After the Neocons. America at the Crossroads. London, 2006.
- ¹⁵ Приводится по: F.Fucina. Op.cit., p. 194.
- ¹⁶ Р.Кейган. Парадигма 12 сентября. — Россия в глобальной политике 2008, № 6, с. 120.
- ¹⁷ The World in 2007. — The Economist. London, p. 14—15.
- ¹⁸ Э.Хименес де Аречага. Современное международное право. М., 1983, с. 143.
- ¹⁹ Book of The National Defence of Chile. Santiago de Chile, 1998, p. 34.
- ²⁰ C.Fuentes. Kósovo y el Nuevo orden internacional. — ALAI. América Latina en movimiento. Quito, 26.V.1999, p. 13.
- ²¹ См.: Б.Ф.Мартынов. Сила права vs право силы. Международная безопасность (латиноамериканский ракурс). М., 2004, с. 59.
- ²² Проблемы Латинской Америки и международное право. М., 1995, т. 1, с. 33.
- ²³ Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002, с. 381.
- ²⁴ M.Marinovic. El Rol presencial de defensa ante los desafios de desarrollo. — Seguridad estratégica regional. Buenos Aires, 1995, N 7, p. 59.
- ²⁵ S.Bolívar. Obras completas, t. 3. La Habana, 1950, p. 279, 680.
- ²⁶ A.Veloz. Obras completas, t. X. Caracas, 1951—1962, p. 511.
- ²⁷ См.: «Левый поворот» в Латинской Америке. М., 2007.
- ²⁸ Потенциал международного влияния и эффективность внешней политики России (2008 — начало 2009 гг.) Аналитический доклад. М., 2009, с. 92.
- ²⁹ Там же, с. 94.
- ³⁰ American Society of International Law. Washington, April 1999, p. 16.
- ³¹ См.: История политических и правовых учений. М., 1983, с. 320.
- ³² В.А.Туманов. Буржуазная правовая идеология. М., 1971, с. 162.
- ³³ Интервью шефа аппарата Белого дома Э.Карда канадской газете «Toronto Globe and Mail» 11 ноября 2002 г.
- ³⁴ Международное право и международная безопасность. Диалог советских и американских экспертов. М., 1991, с. 267—268.
- ³⁵ Подробнее см.: Б.Ф.Мартынов. Безопасность: латиноамериканские подходы. М., 2000.
- ³⁶ Boston Globe, 24.II.2003.